

Л. С. КОВТУН

Символика в азбуковниках

Начитанность в текстах церковной литературы, особенно в патристике, обильной толкованиями Писания, давала древнерусскому книжнику знакомство с символикой. Знания эти не были недвижимым запасом: с ними усваивалась и проявляемая в источниках религиозная идеология, и связанное с нею специфическое образное мышление. Символам средневековья свойственна условность (знаковость) и загадочность скрытых смыслов.

Книжные люди XVI—XVII вв. — периода, когда возникли азбуковники и получили столь широкое распространение, — не только понимали «сокровенные» смыслы слов, но и применяли символику в своей литературной практике. Даваемые в словарях справки о символах были для них важным подспорьем.

Со второй половины XVI в., и особенно с конца его, среди грамотеев Московской Руси возникло своего рода движение по составлению азбуковников, вызванное стремлением сохранить словесность древности, представленную в рукописном наследии прошедших шести веков. Составление тезаурусов — словарных сокровищниц, — в которые вошло бы «елико возможно» толкований слов, оборотов, выражений (а вместе с ними раскрытий понятий и описаний реалий), было осознано в тот период как настоятельная общественная потребность. Составители азбуковников стремились собрать воедино все, что давала им в этом отношении многовековая переводческая культура, вобравшая и опыты из области экзегетики (герменевтики).¹

Мы не знаем пока числа дошедших до нас памятников, выполненных в типе азбуковников, но, как показывает текстологический анализ, их было несколько, причем тексты этих памятников имеют в своей эволюции и промежуточные стадии (нарастание числа словарных статей) и новые редакции.²

Здесь будут рассмотрены материалы пяти словарных памятников, к которым удалось свести при сопоставлении списки азбуковников одного из самых крупных наших древлехранилищ — Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.³

¹ В состав азбуковников были вовлечены и все более ранние глоссарии — ономастиконы, приточники, славяно-русские словари и словари-разговорники, — что сказалось на разнородности их материалов. Вошли в них и компилятивные словарные своды, в большом числе рассеянные по сборникам XVI в. См.: Л. С. Ковтун. 1) Русская лексикография эпохи средневековья. М.—Л., 1963, с. 141—145, 198—209, 260—268, 311—314, 375—389; 2) Лексикография в Московской Руси XVI—начала XVII в. Л., 1975, с. 206—258.

² В тех случаях, когда различия между списками охватывают весь корпус сопоставляемых словарей и относятся к самой сущности словарного текста, нельзя сомневаться, что перед нами отдельные памятники, каждый из которых имеет свою литературную историю текста.

³ Списки азбуковников названного Отдела рукописей имеют два дополняющих друг друга описания: А. К а р и о в. Азбуковники или алфавиты иностранных речей

Выявляя черты, в корне отличающие нашу древнюю литературу от новой, Д. С. Лихачев выдвигает на первый план признаки ее внутренней структуры. Вместе с тем отмечена важность и тех ее внешних черт, которые обычно признавались очевидными приметами старинной книжности.⁴

Одним из признаков общего для восточных и южных славян фонда памятников XI—XVI вв. является их религиозность. Памятники эти писаны на едином для болгар, сербов и русских языке (с некоторыми исторически возрастающими особенностями). Они и образуют старший пласт литературных источников азбуковников. Толкования к текстам Писания, особенно к Псалтыри, занимают среди материалов этих словарей весьма заметное место. Глоссы и всякого рода пояснения слов почерпнуты также из церковной догматики, из житийной литературы, из монастырских уставов, из требников, из стихир и канонов. Но столь же действительна для азбуковников и оговорка, сделанная Д. С. Лихачевым по поводу присутствия в названном фонде древней литературы памятников и светского содержания. Александрия, Физиолог, Козьма Индикоплов, Хронографы и Хроники оказались и среди источников азбуковников.⁵

Не менее существен и второй из внешних признаков древней литературы: ее в основном переводной характер. Эта черта отразилась в азбуковниках с наибольшей рельефностью. В число объясняемых в азбуковниках слов попало множество лексем, оставшихся в текстах без перевода, что нашло, в частности, отражение в заголовках всех пяти упомянутых азбуковников. Первый из них, ранний вариант текста (вторая половина XVI в.): «Толкование неудобь познаваемым речем, иже обретаются во святых книгах рускаго языка, понеже положены суть речи в божественных писаниих овы словенски, неудобь разумеваемы, и ова сербьски, ова же гречески, и ова римски и латынски, и ина еврейски, и египетски, и ина сирски, и ина скифьски; их же неудоволишася древнии преводницы на руский преложити язык, zde же тыя обявлены по буквам скорого ради обретеня» (л. 80).⁶ Более поздняя редакция памятника (возникла на рубеже XVI—XVII вв.): «Книга, глаголемая алфавит, содержащая в себе толкование иностранных речей, иже обретаются во святых книгах не преложены на руский язык, начало имуще сице» (л. 20).⁷ Второй азбуковник (протограф 1596 г.): «Книга, глаголемая алфавит иностранных речей, их же древнии преводницы или не удоволишася на руский преложити язык, или тако произволиша им писатися».⁸ Третий азбуковник, ранняя редакция (конец XVI в.): «Книга, глаголемая алфавит, содержащая в себе толкование неудобь разумеваемых речей, иже обретаются во святых книгах словенскаго языка иностранными глаголами положены» (л. 7).⁹ Его вторая редакция (не позднее 1605 г.): «Толкование речем, иже обретаются во святых книгах иноязычными глаголами положены, их же

по спискам Соловецкой библиотеки. Казань, 1878; А. В. Пруссак. Описание азбуковников, хранящихся в рукописном отделении имп. Публ. библиотеки. Пг., 1915.

⁴ Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М., 1979, с. 6—14.

⁵ Частичный перечень источников, указанных на полях лишь одного из списков, представляющих раннюю разновидность азбуковников, см. в кн.: Л. С. Ковтун. Лексикография в Московской Руси. . . , с. 249 и след.

⁶ Далее заголовок словаря перерастает в предисловие. Текст азбуковника опубликован по списку ГБЛ МДА, 173 (35) в кн.: Л. С. Ковтун. Лексикография в Московской Руси. . . , с. 268—312.

⁷ ГПБ, Q.XVI.20, конца XVI—начала XVII в. — Есть и значительное число других списков.

⁸ ГПБ, собр. Погодина, № 1642. — Датировку см. в статье: Л. С. Ковтун. Термины стихосложения в русском азбуковнике. — ТОДРЛ, т. XXVII. Л., 1972, с. 272—274.

⁹ ГПБ, O.XVI.1, 1636—1637 гг.

зде скорого ради обретения по алфавиту написахом» (л. 22).¹⁰ Еще одна редакция того же памятника дает в заглавии перечисление языков, наподобие представленного в ранней разновидности первого азбуковника (на этот раз названы: словенский, сербский и польский, греческий, латинский, еврейский и сирийский), в конце приведен вариант того обобщения, какое видим в двух старших редакциях памятника: «иже обретаются во святых книгах иностранными глаголами положены» (л. 5 об.).¹¹ Четвертый азбуковник (относится к середине XVII в.): «Книга, глаголемая азбуковник иностранных речей» (л. 4).¹² Пятый азбуковник (вторая половина XVII в.): «Алфавит, сказующи толкование иностранных речей, обретаемых во святых книгах русскаго языка» (л. 49).¹³

Нельзя упускать из виду и характерную черту переводческой практики, отмеченную Д. С. Лихачевым: переводилось лишь то, что соответствовало «внутренней, в основе своей средневековой структуре древнерусской литературы». При этом типично было и обращение с переводами: памятники свободно переделывались, их изменяли при переписке, редактировании и новых переводах подобно тому, как поступали с произведениями собственно русскими.¹⁴

Расхождения между азбуковниками объясняются и этим отношением к переводам. Каждый из собирателей глосс пользовался своим набором рукописных книг (из собственного запаса, из монастырской библиотеки, из всех доступных этому лицу мест хранения рукописей). Списки одних и тех же памятников имеют разночтения. Варьируются не только их тексты, но и степень глоссировки, и сами толкования. В азбуковниках отразилась эта подвижность, текучесть текстов.

Значительная часть глосс и в переводных сочинениях принадлежит славянским книжникам (в первую очередь справщикам переводов). К тому же и собственные произведения некоторых из славянских авторов насыщены разного типа толкованиями. Среди писателей, на которых постоянно ссылаются азбуковники, — Иоанн экзарх болгарский и особенно Максим Грек.

Специфически древнерусские черты находят в азбуковниках как бы двукратное проявление — и со стороны привлекаемых этими словарями источников, и со стороны внутренней структуры самих словарей (и по тому, что это памятники в принципе анонимные: составитель объявляет себя собирателем, ссылаясь на авторитетность источников и истолкователей; и по тому, что ввиду отсутствия четкого представления об авторской принадлежности тексты отдельных азбуковников переплетаются между собою).¹⁵

Для понимания сущности азбуковников крайне важно и сказанное Д. С. Лихачевым о неравномерном характере литературного процесса Древней Руси. Неоспоримость качественных изменений, происходящих с XI по XVII в., сочетается с тем, что «и в XVII в. продолжает вестись летопись старого типа, и в XVII в. составляются по старому типу новые жития, читаются произведения, созданные во все предшествующие века без какой бы то ни было поправки на время». ¹⁶ Последнее и определило формирование типа азбуковников как словарей-гезаурусов. «Древнерусская литература существует для читателя как единое целое, не разделен-

¹⁰ ГПБ, собр. Погодина, № 1143. — О датировке списка и о его соотношении со списком ГПБ, О.ХVI.1 см. в кн.: Л. С. К о в т у н. Лексикография в Московской Руси. . . , с. 66, 225—232. — Есть и иные списки этих редакций.

¹¹ ГПБ, собр. Погодина, № 1655, 1666—1671 гг. — Есть свидетельства, что скопирован более ранний текст.

¹² ГПБ, Q.XVI.7, 1648—1649 гг. — Возможно, оригинал.

¹³ ГПБ, Соловецкое собр., № 18/18, 1663—1665 гг. — Возможно, оригинал.

¹⁴ Д. С. Л и х а ч е в. Поэтика древнерусской литературы, с. 15.

¹⁵ Ср. структурные черты, выделенные для памятников древнерусской литературы Д. С. Лихачевым (Поэтика древнерусской литературы, с. 16—19).

¹⁶ Д. С. Л и х а ч е в. Поэтика древнерусской литературы, с. 16.

ное по историческим периодам, как некий склад произведений, библиотека, в которой имеется только систематический каталог, отчасти каталог авторов, но нет каталога хронологического». ¹⁷ Азбуковники, составлявшиеся к текстам древнерусской литературы, стали, таким образом, ее своеобразным зеркалом.

Условность символа и тенденция к энциклопедизму

Многовековая переводческая культура и герменевтика, которые и образуют основу сосредоточенных в азбуковниках материалов, проявляют между собою тесную связь. Показательна в этом смысле судьба славянских интерпретаций одного из древнейших литературных памятников — «Слова о 12 камыку» Епифания Кипрского. ¹⁸ Почерпнутые из него описания камней неизменно находим в числе толкований, собранных старинной лексикографией.

Самый ранний перевод статьи о камнях на ризе пудейского первосвященника (Исход, 28, 17—20), символически знаменующих 12 древнееврейских родов (колен), сделан в Болгарии, причем представлен уже в Изборнике 1073 г. Перевод этот в сравнении с греческим текстом местами дословен, но частично переработан. В целом он намного короче оригинала. Возможно, что в этом сказался хрестоматийный тип книги: из сочинения избраны места наиболее существенные в аспекте всех предлагаемых для чтения материалов.

Сочинение Епифания в оригинале дано в виде письма к Диодору и начинается со слов: «Ты просил меня, почтеннейший, сделать для тебя краткое сообщение о камнях на наперснике». ¹⁹ В этой вводной части перечислены камни в соответствии с библейским текстом (Исход, 28, 17—20), вслед за чем в отдельных очерках дано описание каждого из них. Епифаний при этом называет и другие виды камней, относящиеся к тому же роду, высказывает мнение о происхождении их названий, дает детальную и тонкую характеристику внешнего вида минералов, упоминает о легендах, связанных с драгоценными камнями, рассказывая некоторые из них, называет лечебные свойства, какие им приписываются, перечисляет места, где их находят. Близким по теме, но в корне отличным по разработке является другое сочинение того же автора — «О камне алмазе, который носил первосвященник, трижды входя во святая святых». ²⁰ В статье рассказано об упомянутом в названии ритуале (Исход, 28, 36 и далее) и об алмазе, якобы обладающем чудодейственной силой, после чего названия 12 размещенных на наперснике камней соотнесены с 12 коленами Израиля. Естественнo-историческая и символическая темы у Епифания, таким образом, как бы поделены между его двумя сочинениями.

В Изборнике 1073 г. — также две статьи (51 и 53). В первой из них дано лишь описание наперсника (л. 120 об.). Рассказано и о том, как с помощью камней первосвященник беседует с богом: если заданный вопрос тому угоден — «въсияше адамас и светом блискаашеся», если грозит война — «будяше крѡвав», если «съмръть найти хотяше — чрън» (там же). Другая статья — перевод сочинения Епифания «о 12 камыку» начинается прямо с описания камней (первый из них — сардион). ²¹ Из мно-

¹⁷ Там же, с. 20.

¹⁸ Епифаний — епископ кипрский (310 или 332—403). Греческий текст его сочинений см.: PG, t. XLI—XLIII. Русский перевод — в издании МДА: Творения Епифания, епископа Кипрского (прибавления к творениям св. отцов, ч. VI). М., 1863—1880. — Среди сочинений Епифания, кроме названной статьи, с энциклопедизмом связана «Книга о весах и мерах» (библейских), а также комментарии к Физиологу (наблюдения над свойствами упоминаемых в Писании животных). Церковного писателя, таким образом, привлекала «реальная» тема.

¹⁹ Творения Епифания, епископа Кипрского, с. 267.

²⁰ Там же, с. 280—282.

²¹ Сардион (σάρδιον) — камень сердолик.

гих направлений этой статьи славянского переводчика привлекли три темы: облик драгоценного камня, указание места, где его можно найти, и данные о его целительных, по взглядам средневековых медиков, качествах. О диковинных свойствах камней Епифаний пишет, ссылаясь на баснословцев. Изредка и они приводятся в переводе, но лишь в тех случаях, когда восприняты как реальные.

В оригинале статьи о камнях их вид описан во всех деталях. Среди отличительных признаков, как это и понятно, выделены цвет и блеск.

1. Камень сардий. «Он вида как бы огненного и цвета крови, уподобляясь поселенной рыбе сардию». «Этот камень прозрачно блестящий».²²
2. Камень топаз «более красен, нежели анфракс»; «каменотесы, увидев, что он блестящ, объявили его за алебастр».
3. Камень смарагд. «Он называется также и прасином (ὄψτος καλεῖται πράσινος)».²³ Он зеленоват по виду. Нерониан²⁴ мал по виду, очень зелен и блестящ.
4. Камень анфракс.²⁵ «Он по виду цвета багряного» (ὄψτος εἶδος εὐφορικήον εἶχει): «Другие же говорят, что камень этот можно находить так: днем его нельзя видеть, а ночью он искрится наподобие светильника и горящего угля (. . . λαμπάδος ἢ ἀνθρακος σπινθρίζοντος) и издали виден». «. . . На чем бы его кто ни носил, не может скрыть его, потому что, какими одеждами он ни был закрыт, блеск его непременно просвечивает из-под одежды. От того он и называется анфракс» (уголь). «Немного сходен с ним камень керавний, который некоторые называют темно-красным, наподобие цвета вина».
5. Камень сапфир «пурпурового цвета по виду, подобно улитке, дающей пурпуровую краску» (πορφύρεζον ὡς βλάπτης τῆς μελαίνης τὸ εἶδος).²⁶

В том же духе описаны и другие камни.

Сопоставления Епифания изысканны и специфичны. Языковые средства, к которым он прибегает, многообразны и отработаны, обнаруживая в нем мастера высокой и своеобразной культуры. О камне насписе (яшма) он, например, говорит, что, подобно смарагду, он зеленоват, но более тускл и темен, внутри же своей массы имеет зеленоватость, которая напоминает ржавчину меди с жилками в четыре ряда (. . . ἐοικῶτα ἰφ χαλκοῦ ἔχοντι φλέβας τετρατίχους). Другой вид того же камня — цвета более синего, чем море, гуще его по оттенкам и окраске. Среди разновидностей этого камня есть такие, которые он сравнивает с кровью пурпуровой улитки, о другом виде насписа замечает, что он более нежен и бел и не очень блестящий, хотя и не лишен блеска, подобен льду на воде (ἄλλη δὲ χρυστάλλου ὕδατι ὁμοία). Камни не одноцветны. Кроме описания яшмы ср. и рассказ об облике агата. Сам он темноватый, но темное опоясано белым, которое подобно мрамору или слоновой кости (μαρμάρου τρόπον ἢ ἐλεφαντίου). Камни играют. Аметист в окружности обладает ярко пламенным цветом, но в середине белее и испускает темно-синий цвет. Хризолит имеет золотой отлив (χρυσίζων μὲν ἔστιν). Епифаний Кипрский говорит о красоте камней, удивляется ей.

²² Текст перевода здесь и далее дается по изданию: Творения Епифания, епископа Кипрского, с. 267—272; текст оригинала — по изданию Миня.

²³ πράσινος — зеленый.

²⁴ Разновидность того же камня.

²⁵ Анфракс (ἀνθραξ) — рубин.

²⁶ Ср. описание тех же камней в современных словарях: сердолик — 'полудрагоценный камень красного или красно-желтого цвета. . .'; топаз — 'минерал из класса силикатов, отдельные кристаллы которого благодаря своему цвету и блеску употребляются как драгоценные камни'; изумруд — 'первоклассный драгоценный камень ярко-зеленого цвета'; рубин — 'драгоценный камень красного или розового цвета'; сапфир — 'драгоценный камень синего или голубого цвета, разновидность корунда' (Словарь современного русского литературного языка в 17-ти тт. М.—Л., 1948—1965, т. 13, стб. 679; т. 15, стб. 630; т. 5, стб. 259; т. 12, стб. 1505; т. 13, стб. 181).

В славянском переводе подход к теме более практичен. При указании на цвет и прозрачность камней опущены детали зарисовок, нередко основанных на чуждых ему и его среде уподоблениях, таких, например, как посоленная рыба сардий или улитка, дающая пурпуровую краску. Того же рода сравнение агата с цветом львиной шкуры (*χρῶμα ἔχων λέοντος*) или берилла со зрачком змеиных глаз (*τῶν ὀφθαλμῶν δράκοντος*). В переводе находим древние наименования камней и архаические обозначения красок: сърдион, вавилоньскыи нарицаемыи, учръмьнь есть, акы кръвь; пазнон рѣдр же есть паче анѣфракса камыка; анѣфракс зело чръвен есть образъм; сапѣфир юбаг есть; наспис узелень есть и т. д.²⁷

Места оригинала, где говорится о блеске камней, переводятся, когда с этим свойством связаны способы их отыскания. Ср. об анѣфраксе: глаголють же не днью, нѣ ноштью ся обретаеть, издавеча бо, акы дуплятиця или акы уголь искрами мъчыште (л. 121 об.). По этому сиянию якобы и находят камень.

Привлекают внимание также необычные приметы. Ср. о пазноне: острым же по врачьбней осле, не чръвен же испуштаеть по образу сок, нѣ акы млеко (л. 120 об.); об анѣфраксе: носим же кацеми любо ризами да обеться, блеск его вѣне риз сияеть (л. 153); об уакинѣх (яхонтах): намештем бо на угли огньныя, сами не вреждяются, нѣ угли угашають (л. 153 об.) и т. д. Вместе с тем нельзя упускать из виду, что уже и в византийских сборниках сочинение Елифания подверглось сокращению и переработке. Греческий оригинал Изборника 1073 г. был именно таков.²⁸

При сопоставлении текстов пяти азбуковников видно, как плохое усвоение «Слова о 12 камыку» в русской книжности. Древнеславянский перевод из Изборника 1073 г. не только оказался в этой долгой традиции исходным, но и бережно в ней сохранялся. Вместе с тем на тексте этого сочинения — и, как понятно, не только на нем — можно наблюдать взаимодействия двух противоречивых тенденций: мистической и реальной. В сведениях, приводимых о каждом из минералов, и в символической интерпретации их названий представлен типичный вид таких отношений: каждый из миров — «внешний» (реальный) и «мысленный» (духовный, потусторонний) — наличествует сам по себе. Соотносимы они лишь через выдвинутую знаковую абстракцию. В данном случае ею является общее значение всех 12 наименований — «драгоценный камень».²⁹ Добавим, что несмотря на свою отвлеченность оно вполне реально и поэтому может служить для того, чтобы ограничить этот ряд символов от других.

Характерно и вполне объяснимо, что во всех упомянутых азбуковниках, кроме четвертого,³⁰ нашел отражение заданный греческим автором энциклопедический поворот темы, который передан при всей его краткости и древним переводом.

Вот примеры описания драгоценных камней, взятые из текстов то одного, то другого из азбуковников, но они с некоторыми разночтениями в языке и орфографии будут повторяться и во всех других.

Самая пространная статья — о камне яхонте. Относится к числу редких для азбуковников сюжетных статей:

«Иакинѣ есть камень учермень, иже и лугирион наричется, обретається во внутреней Варварии сирийстей, иже Скифию наричют

²⁷ Изборник 1073 г. М., 1884, л. 121 об., 153, 153 об. (при переплете книги листы перепутаны и статья «О 12 камыку» оказалась разрозненной).

²⁸ Переработке в этом сборнике подвергнуты и другие сочинения, например «Трактат о тропах» Георгия Хировоска. Два греческих сборника, близких по составу к Изборнику 1073 г., были указаны Н. К. Никольским — X в. в Ватикане и XI в. в Парижской национальной библиотеке. Третий — X в. — хранится на Афоне в Дионисиевом монастыре.

²⁹ Добавим, что не только этих слов, но и других, называющих определенный тип минералов.

³⁰ О специфике этого памятника будет сказано ниже.

страну ту всю северьскую, иже суть готфы и давники. Ту убо внутрь пустыня Великия Скифия есть дебрь (на поле глосса — «пропасть») зело глубока и человеком невходна, стенами бо каменными отовсюду огражена есть, да тем з горы приникшу кому любо, аки со стены, невозможно дозрети дна дебри тоя, от глубины бо мрак есть, аки пропасть некая. Посылаются тамо осужденцы нудма от ближних царей, да или сами изгибнут, или, иакинф камень обретше, прости будут. Пришедше же юзницы, тамо закалают овча и одравше кожу с них, и вмещут я в пропасть дебри тоя, и прилипает камень иакинф на мясех тех. Орли же бо, в камени том живущей, на воню мясную сходят в пропасть и возносят мяса с прелешшим камением. И егда изъядят орли мяса, камение остают верху горы. Осуженицы же, смотривше где орли возносят мяса, и обретают камение иакинф. Имати же камение то деиство: намещемо на углие горяща, само не врежается, югли же погашает. Но и взем кто камык сей и обвит плащаницею држит над юглыми, то сам от огня сожжет си руку, плащаница же без вреда пребывает отнюд. Глаголют же яко и ражающим женам на потребу есть» (л. 125 об., 126).³¹

О с а п ф и р е:

«Сапфир камень видом багрян, обретается во Индии и во Ефиопии. Острым же по осле со млеко и помазuem поощренным местом, целит отоки и напыщения. И на горе даны Моисею закон на камени сапфире глаголется быв» (л. 132 об.).³²

Об и з у м р у д е:

«Камень измарagd зелен есть и светел, еже и лице человеце видети в нем, аки в зеркале. Его ж копают в горах индеевских» (л. 68 об.).³³

О х р и з о л и т е:

«Хрисолиф камень, аки злато есть. Обретается в кладезном камени на краех Ахимениды реки вавилонския. Вавилоняне же и кладязь тои Ахименидою наричют. Острым же сырищем болящим чрево целит» (л. 470).³⁴

Архаика языка древнего перевода в этих статьях утрачена. Но и через язык, свойственный русской книжности XVI в., присутствие этой основы текста очевидно.

Ср. в Изб.: сьрдиион, вавилоньский нарицаемыи, учрььн есть, акы кровь; в Азб. 1: сардион камень вавилонский красен, акы кров ь; в Азб. 2: сардион камень честен, обретаемыи во Вавилоне;³⁵ в Азб. 3: сардиос или сердолик, камень вавилонский, красен, акы кровь; в Азб. 5: сардион камень, обретається в Вавилоне.

Несколько варьируются строки и других статей, но очень часты и совпадения. Ср. фрагмент из описания топаза. В Изб.: острым же по врачбней осле не чрьвен же испуштаеть по образу сок, но акы млеко; в Азб. 1: острым же по врачбней осле не червлен по образу своему испушает сок, но акы млеко; в Азб. 2 и Азб. 5 так же, как в Азб. 1, но с вар.: «по врачевской», в Азб. 3 — «по врачевьней».

В списках этих азбуковников попадаютс я архаические слова, свойственные книгам XI—XIV вв. (особенно болгарским), — следы все той же

³¹ Текст дан по ркп. ГПБ, Q.XVI.20 (первый азбуковник).

³² Текст дан по ркп. ГПБ, собр. Погодина, № 1642 (второй азбуковник).

³³ Текст дан по ркп. ГПБ, О. XVI. 1 (третий азбуковник).

³⁴ Текст дан по ркп. ГПБ, Соловецкое собр., № 18/18 (пятый азбуковник).

³⁵ Слов «красен акы кровь» в этом азбуковнике нет. Что касается словосочетания «обретаемыи в Вавилоне», то оно в несколько ином виде есть и в Азб. 1: «обретається в Вавилоне». В Азб. 2 текст сжат, чтобы устранить повтор («вавилонский» — «в Вавилоне»).

древней основы: учермень — «красный, красноватый», изекрии — «голубой, бирюзовый», нудьма — «наильно, по принуждению», дуплятица — «светильник», сырище — «желудок» и др.³⁶

Архаичны и некоторые формы слов.

В древнем переводе приведены разные названия одних и тех же минералов (Епифаний собрал их великое множество). Эту черту «Слова о 12 камыку» полнее, чем другие, отразил первый азбуковник. Кроме основных названий в нем даны: пазнон (как вар. к сл. топазион), халкидон (к сл. анфракс), лургион (к сл. иакинф), сардоникс (к сл. ахатис), фрусник (к сл. хресолиф), иурил (к сл. вириллион), хрисопрасос (к сл. онухион). Учтены и формальные различия: халкидон — халцедон, амефулис — амефусин. Во втором азбуковнике в основном даны именно эти последние (измарагд — змарагд — смарагд; халкедон — халцедон). Видимо, проявлено стремление к единству номинации. Из лексических вариантов в этом словаре лишь два: халкидон (к сл. анфракс) и хрисопрасос (к сл. онухион). В третьем азбуковнике встретились иные названия и иные варианты. По-другому разработана статья о первом камне. Здесь «сардиос или сердолик» (вм. сардион с вар. сердолик). Аметист именуется фисть и лишь в качестве варианта к нему дано амефусин.³⁷ Кроме того, на поле к слову хресолиф приведена глосса — хрусник.³⁷ В пятом азбуковнике широко соотнесены уже не названия камней, а сами камни. Сделано это не с целью представить разнообразие названий того же самого минерала, а по принципу выделения тематической группы — «драгоценные камни». При описании некоторых из камней в ряде случаев учтены и варианты их названий, приводимые в других азбуковниках. Так, в конце статьи о городе Халкидон сказано: «Есть же халкидон и камень, нарицаемый анфракс». Ср. и далее: «Халцедон той же камень халкидон» (л. 467). Во всех сопоставляемых памятниках сведения и реального и языкового характера. Но именно пятый азбуковник широко дополнил энциклопедические данные «Слова о 12 камыку». Тем не менее и в этом азбуковнике второй половины XVII в. древний субстрат выделяется довольно свободно. Описания некоторых камней очень близки к переводу, представленному в Изборнике 1073 г. Изменились лишь средства языкового выражения. Таковы статьи: об анфраксе (л. 50), об иасписе (л. 231), об иакинфе (л. 231), о сардионе (л. 326), о сапфире (л. 326), о топазии (л. 434), о хресолифе (л. 470). Вот одна из них: «Сапфир есть камень светлолазоров. Обретается во Индии и во Ефиопии. Острым же со млекою по осле и помазуем пообщренным местом целит отоки и напыщения. И на горе даны закон Моисею на камени сапфире глаголется бы». ³⁸ Намного более подробно, чем в ранних азбуковниках, приведена документация употребления слова в Писании,³⁹ после чего добавлена фраза: «и подножие божие бе на горе на камени сапфире».

В описании камня иаспис внесены мелкие уточнения, но для общего характера обработки и они показательны («на амаништей рецы» — «на аманистем Кипре» к чему добавлено: «и в чешском королевстве», вслед за этим назван источник: Козмография, гл. Й̃ (8)). Но есть статьи (таковы

³⁶ Срезневский. Материалы, т. I, стб. 745 и 1085; т. II, стб. 473 и 875; т. III, стб. 1343.

³⁷ Оба слова, таким образом, получили иное написание, чем в первом азбуковнике. Во второй, более отработанной редакции этого словаря варианты — не в тексте статьи и не на полях, а выписаны киварью над основным словом. В третьей все варианты ошущены.

³⁸ Цвет камня здесь «светлолазоров», в Азб. 1—Азб. 3 — «багрян». В Изб. 1073: юбаг [ърыи] — «светло-багряный, светло-синий». Колебания в цвете сапфира, таким образом, вполне объяснимы.

³⁹ Указания на источники приведены дважды: после слова «светлолазоров» (Исход и книги пророков Иова и Исаии) и в конце статьи (Первая книга Царств и Первая книга Паралипоменон); всякий раз отмечены и главы.

описания камней агат и изумруд), где ход дальнейшей энциклопедизации текста сказан со всей очевидностью).⁴⁰

Агатес камень есть. Козмограф. гл. М̃ (40) агатокъ и ахатис,⁴¹ он же чернь и светель, а аще будет зажежен и он на воде горит, а гасят его маслом всяким, помогает от падучей болезни и духа нечистыа отгоняет и сопротивляется им и волхвом⁴² и ужи отгоняет; того ради и орлы в гнезда свои его кладут, чтоб ужы от гнезд их бегали,⁴³ а находят его в аглинском королевстве и в скифех, во Внутреней Варварии сирьстеи. Скифию же древнии нарицают страну ту северную, иже суть готфы и давники.⁴⁴ К последнему слову на поле глосса: аглинская земля (л. 54).

Змарагд есть камень честен, иже именуется яхонт и изумрут, видом зелен и светел, обретается в горах индйских, копающе его секут, сила же его есть лице в нем видети, аки в зеркале,⁴⁵ а добывают его в тех местех, иде же руду медную копают, а иные пишут, что он растет в дебри в тех местех, ис которых мест истекают из гор источники золотые руды. И того камня орлы вельми стерегут, а находят де его в орловых гнездах и емлют с великим боязньством и вскоре отбегают. А иные змарагды исполнены суть прыщев, подобны халкидону камению. А привозят их из аглинские земли. А которые привозят из шкотские земли те лутчи, а находят их в шкотских странах у золотых кладезей и сладких вод. Измарагд смертоносную ярость исцеляет и окормлена человека смерти избавляет и прокаженным людям ис печени и желудковым болезнем помогает и зрак человеческой укрепляет, аще кто на него зрит часто, и от прилучающих недугов во здравии сохраняет и носящему его весельство наводит⁴⁶ (л. 208).

Кроме статей, соединяющих сведения из древнего перевода с новыми, еще более обширными, в пятом азбуковнике есть и добавочные статьи. Так, к описанию камня топазии (топазион) добавлена статья, где слово приведено еще и в виде «тумпаз». В ней сказано, что этот камень «назван от места, в котором он сперва найден, а то место зовут топазис, а которой цветом темен, тот не столь добр; тот камень похоти телесные усмиряет и гнев, и ко многим человеческим немощем целителен» (л. 437).

Новое в описании камней воспринято из хронографической литературы, с ее вниманием к практическим нуждам (географии, экономике, торговле и т. д.). Наряду с лекарственными свойствами камней, выведенными средневековыми медиками из их символических значений (свойства эти воспринимались как реальные),⁴⁷ появляется представление о камне как о талисмани — нечто сродное проникшему с запада интересу к гороскопам. По этим представлениям, камни способны устранять и душевные недуги, изменять человеческую натуру, оберегать от несчастий. Ср. сказанное об агате: «и духа нечистыа отгоняет, и сопротивляется им и волхвом»; об изумруде: «смертоносную ярость исцеляет. . . и носящему его

⁴⁰ По частным особенностям текста первый азбуковник ближе к третьему, а второй к пятому, поэтому дано сопоставление двух последних (один 1596 г., другой второй половины XVII в.).

⁴¹ Азб. 2 — ахатис.

⁴² Азб. 2 — камень честен, цветом аки усинен.

⁴³ Азб. 2 — нет.

⁴⁴ Азб. 2 — иже обретается в скифех, во Внутреней Варварии сирьстеи. Скифию же древнии нарицают страну ту северную, иже суть готфы и давники. В Азб. 2 есть конец статьи, которого нет в Азб. 5: острым же по осле помазуем на лице усекание востлаплет скорпино и ехидино (л. 6).

⁴⁵ Азб. 2 — змарагд есть камень честен, еже именуется изумрут и яхонт, видом зелен и светел, обретается в горах индйских, копающе его секут, сила же его есть лице в нем видети (л. 60). Почти полное совпадение текстов Азб. 2 и Азб. 5, причем только в них неожиданное соединение названий двух разных камней: изумруда и яхонта. Сравнение «аки в зеркале» присутствует в Азб. 1 и Азб. 3.

⁴⁶ Азб. 2 нет.

⁴⁷ Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы, с. 163. — Автор ссылается на соответствующие разделы в лечебниках русского происхождения (ГБЛ, собр. Румянцева, № 631, 635 и др.).

весельство наводит»; о топазе: «тот камень похоти телесные усмирят и гнев». Подобные свойства отмечены и у других камней, например у сардоникса (ардониса): «тот камень сохраняет человека в чистоте, отгонит соблазньство и целомудрена творит» (л. 72 об.).

Энциклопедизм «Слова о 12 камыку», как и других памятников, обладавших подобным свойством, был активно воспринят азбуковниками, стал одним из их наиболее выразительных признаков, получил в них действительное развитие. По отношению к символичности текста он был во многом автономен, и не только у Епифания, но и у других раннехристианских авторов. Ср., например, «Слово о тридесятих серебряниках» — сочинение Кирилла, епископа Иерусалимского (315—386). Перевод его имел столь же широкое хождение на Руси, как и слово о камнях. И в нем связи «реальности» толкования и символики сюжета весьма отдаленны. Плата Иуде за предательство — символ, получивший впоследствии и языковую фразеологизацию.⁴⁸ Ясно, что от его абстрактного художественного значения нет прямого хода к таким реальным вещам, как соотносительная ценность денежных единиц.⁴⁹ Евангельский текст для Кирилла, как и библейский для Епифания, своего рода повод к сообщению реальных данных. «Ассарии имяше тогда динарь, 100 же динарии сребренник, — читаем в переводе этого «Слова», — и продан бысть господь на 30 серебряных, яже бывають 3 тысящи динарей, яже суть злата сто перпер». ⁵⁰ Упомянуты нумия и лепта, соотнесена стоимость таланта, ассария, онгии, статира, драхмы, кондрата (он же сиклон): «Талант имать литр 125, ассарии есть лепта, 60 онгия имать статира два, статир имать драхмы две, кондрат наричется сиклон, еже есть четверть онгии». ⁵¹ Азбуковники уловили энциклопедическую ориентировку и этого «Слова». Соединив его материалы с показаниями и других источников (ср.: «Максим Грек в своей книзе, 48 слове, динарем наричет пенязь»), ⁵² они привели, помимо этого, и соотношение нерусских денег с русскими: «Талант имать сребра 562 рублей, а злата талант 6701 рублей», «литра — вес тако именуем, а золотников в литре 85, а золотник по два алтына с полушкой». ⁵³ В ряде статей о денежных знаках указаны и литературные источники, в которых встретились названия денег и их истолкования. По преимуществу это церковные книги, имеющие и мистический, «духовный» подтекст. ⁵⁴

Описание символических значений предметов и понятий не могло не найти себе места в тех словарных тезаурусах, которые именуются азбуковниками. Сочинение Епифания Кипрского о 12 камнях на эфуде иудейского первосвященника попало в азбуковники не только через посредство Космографий и Хронографов, но еще ранее через Толковую палею, а также и разного типа сборники и сборники, куда также постоянно включали ее древний перевод — «Слово о 12 камыку». Эти посредники придавали тексту символическую интерпретацию. Определить, в каком виде символика камней нашла отражение в тех же пяти азбуковниках, о которых шла речь, позволяет характер размещения материалов, оказавшийся в этих словарных памятниках неодинаковым. Азбуковники первый и третий ближе друг к другу и явно архаичнее остальных. Един-

⁴⁸ Ср. из материалов нового времени: — Не Иуду верного своего жалеют, а — серебряники (М. Г о р ь к и й. Мать). — За какие серебряники, по какой плате вы предаете нас европейцев? (В. М а я к о в с к и й. Летающий пролетарий). Словарь современного русского литературного языка, т. XIII, стб. 689.

⁴⁹ Само стремление к уточнению подобной платы скорее палишше, даже и противоположно.

⁵⁰ Сборник ГПБ, Софийское собр., № 1464, л. 259 об., 260.

⁵¹ Там же.

⁵² Статья из третьего азбуковника (по списку ГПБ, собр. Погодина, № 1143, л. 29).

⁵³ Там же, л. 39, 47 об., 50 об.

⁵⁴ Евангелие от Луки (драхма), Евангелие от Матфея (дирахма, статир) и т. д. и т. д. Подробнее см. в кн.: Л. С. К о в т у н. Лексикография в Московской Руси. . . , с. 217.

ство подхода (при различии конкретного наполнения) проявлено в азбуковниках втором и пятом. В четвертом азбуковнике материалы рассматриваемой темы приведены бессистемно. «Слово о 12 камыку» в своем целостном виде присутствует только в первом и третьем азбуковниках. Статья помещена в разделе слов, начинающихся с буквы К (в соответствии с лексемой камень, мн. камы). В одном из них озаглавлена: «Святаго Епифанія, архиепископа Кипрьскаго о дванадесяти каменех, еже бех на ефуде по числу дву на десять колен израилев» (л. 124).⁵⁵ Вдобавок к этому на полях в качестве источников обозначены: «Палая» и «Апокалипсис». В третьем азбуковнике дано более краткое название: «Епифанія Кипрьскаго [о] ВІ (12) каменех, еще бяху на ефуде» (л. 68). Наименования каждого из камней⁵⁶ приведены и на своем алфавитном месте, но там статьи или имеют характер словарных отсылок, включающих, однако, обобщенное определение — «камень драгии», «камень честен», или сводятся только к этим толкованиям, представляющим значение слова в виде необходимой для символа абстракции.⁵⁷ Более подробны толкования в тексте первого азбуковника: Белир. камень вириллос, вельми драг, един из дванадесяти камении, бывших на ефуде (л. 40); змарагд. камень зело честен, о нем же пространне писано во дванадесятих каменех в букве нарицаемей како (л. 89 об.); топазион. камень зело честен (л. 221 об.). Также и в виде сводных отсылок: амефус, анфракс, аспис, ахатис, а се суть имена камению драгим, о них же толкуется в букве нарицаемей како (л. 34).⁵⁸ Лишь в единичных случаях в определение введены отдельные конкретные признаки: Фрусник. камень честен, иже хрисолиф именуется и фарсис, а образ его аки злато блещается (л. 233 об.). Однако и в них присутствуют лишь те различительные признаки, которые относятся к числу понятийных. Все энциклопедические сведения (о способах добычи, характере применения) даны лишь в статье Епифанія.

В третьем азбуковнике в основном приняты те же принципы разработки. В первой редакции этого памятника определения, данные при отдельных камнях, еще несколько разнородны (ощущается ранний, первоначальный этап работы). Однако в подобном тексте чаще можно найти обоснование решений в распределении или квалификации материалов. Показательна в этом смысле отсылочная статья: аспис, анфракс, ахатис, амефусие. сия камени зело драги, а еже каковы они образом и что их действо, о сем сказано в букве нарицаемей како (л. 12 об.). И здесь более всего статей, имеющих типовые определения: измарагд. камень зело честен (л. 95); сапфир. камень драгии; сардион. камень же драгии; сердолик или сардион. камень же честен (л. 95); топази. камень драгии (л. 103). Описание иакинфа более пространно, так как введены сведения о применении слова и в качестве имени собственного, но и здесь упомянуто, что энциклопедические данные следует искать в другом месте: иакинф, иже инде нарицается лугирион, зело же честен и драг сии камень; древних же родов человецы даяху детям своим имя сие, еже есть Иакинф, занеже камень он честен есть и яко един от ВІ (12) камении, водруженных на ефуде

⁵⁵ Такое выделение принято в азбуковниках лишь для статей, текст которых дается без сокращения или с небольшими изъятиями. В той же букве К азбуковника, весьма обширной по числу описанных слов, подобным образом выделена еще одна статья: «Максима мпха Грека глава НА» (51) — «Толкование предписуемому каноном краегранесию» (л. 110).

⁵⁶ В первом азбуковнике, включая и все варианты названий камней, которых в этом памятнике особенно много.

⁵⁷ Абстрагирующее и символизирующее мировоззрение средневековья сказалось на толкованиях слов, собранных и в самых ранних из древнерусских глоссариев (бисер — камень чьстьи; подирь — риза; коядрат — медь и т. д.). См.: Л. С. К о в т у н. Русская лексикография эпохи средневековья, с. 135—140.

⁵⁸ Во второй сводной отсылке: сапфир, сардоникс или сердолик, сардион, статир (лишь этот последний камень не из числа 12 камыку) сим всем каменю сказание писано в письме нарицаемом како (л. 201). Указание на ценность камней опущено.

архиерейстем; а еже где тои обретається и что деиство его о сем пишеть в букве наричемеи капа (л. 54 об.). При второй редакции тексту придано большее единство: определения камней даются лишь по названной формуле. Статья об иакинфе ограничена соотношением греческого слова с более ранней формой — яхонт (л. 34).⁵⁹ Что касается сведений по истории ономастики, то они почерпнуты из приводимого в азбуковнике предисловия «к именов человеческим». Составитель второй редакции нашел это повторение неуместным. Четвертый азбуковник⁶⁰ не включил в свой состав «Слова о 12 камыку». Некоторые камни, упоминаемые в этом сочинении, в нем все же описаны. Толкования скорее всего выписаны из других словарей: Вирилос. камень есть драгии тако нарицаем (л. 15 об.); измарагд есть камень честен тако именуем, есть же и книга тако именуема, сиречь ум (л. 42); иоакинф. сие имя дано от камени иоакинфа (л. 44); хрисолиф есть камень драгии тако именуем, понеже, лицом, аки злато (л. 89). Все другие камни, упоминаемые в «Слове», в этом азбуковнике отсутствуют.⁶¹ С энциклопедическими данными эти определения не соотношены, поэтому своей отвлеченностью близки к приводимым в древних глоссариях.

Во втором и пятом азбуковниках принята обратная система описания в сравнении с первым и третьим. «Слова» Епифания в виде отдельного сочинения в них нет, но сведения из него извлечены и приведены в статьях, посвященных каждому камню, на своем алфавитном месте.⁶² Тема символики камней в них представлена наиболее широко, но прежде, чем рассмотреть этот аспект разработки, вернемся к тем двум азбуковникам, где сочинение Епифания присутствует в целостном виде. Символические значения в них показаны путем соотношения 12 камней с именами библейских родоначальников (так в Азб. 1 и в Азб. 3) и с именами 12 апостолов (только в Азб. 1). Эти имена написаны против каждого из камней на полях (в Азб. 1 обведены рамкой).

При общности этого приема азбуковники неожиданно разошлись в фактическом материале. Порядок следования камней совпадает, но, начиная с седьмого и до двенадцатого, камни соотношены с другими именами: иакинф (яхонт) в Азб. 1 — Дан, в Азб. 3 — Иосиф; ахатис (агат) в Азб. 1 — Нефталим, в Азб. 3 — Вениамин; амефусии (аметист) в Азб. 1 — Гад, в Азб. 3 — Дан; хрусолиф (хризолит) в Азб. 1 — Асир, в Азб. 3 — Нефталим; вириллион (берилл) в Азб. 1 — Иосиф, в Азб. 3 — Гад; онухион (оникс) в Азб. 1 — Вениамин, в Азб. 3 — Иасир. Или, говоря иначе, Нефталим оказался агатом и хризолитом, Иосиф — яхонтом и бериллом, Гад — аметистом и тем же бериллом, Вениамин — агатом и ониксом. Символы не проявили незыблемого постоянства. Сказались разные традиции истолкования библейского текста.

Во втором и пятом азбуковниках соотношение тех же символических знаков дано описательно, причем в последнем из них с попыткой обосновать, почему тот или иной камень является символом именно данного лица.

Второй и пятый азбуковники имеют соотношения и с родоначальниками, и с апостолами, причем в одном из них (втором) они те же самые, что в первом азбуковнике, но в другом (пятом) опять-таки проявляются различия. На этот раз они связаны с апостолами. К тому же в пятом азбу-

⁵⁹ В соединении обе редакции третьего азбуковника воспроизводят статью из словаря Максима Грека «Толкование именов по алфавиту»: «Иакинф, камень есть один от многоценных, глаголемый по руску яхонт» (Л. С. Ковтун. Лексикография в Московской Руси. . . , с. 329). Характерна и отсылка на букву «капа» вместо славянского «како».

⁶⁰ Краткий азбуковник середины XVII в.

⁶¹ Еще два (топази и сапфир) встречаются в составе определений других слов («карфомуколос» и «скрижалн»).

⁶² Указание на «Слово о 12 камыку» как на литературный источник отсутствует.

ковнике иной порядок следования камней и выдвинуты на первый план другие варианты их наименований. Ср. в Азб. 5 халкидон — Исаиа, в Азб. 2 анфракс (тот же камень) — Андрей; в Азб. 5 сардии или сердолик — Филипп, в Азб. 2 сардион — Иоанн Богослов; в Азб. 5 хрисопрас — Фаддеи, в Азб. 2 онухион (тот же камень) — Июда; в Азб. 5 амефусии — Матфей, в Азб. 2 (также аметист) — Марк.

Раскрытие символики камней дается во втором азбуковнике в виде особой статьи, не имеющей, однако, связи с сочинением Епифания Кипрского.⁶³ Текст ее состоит из соотношений: камень сардион, сей проявляет от 12 сынов яковлевых Рувима, от 12-х же апостол — Иякова, Иоанна богослова; топази проявляет Симеона 2 сына яковля, евангелиста Матфея; змарагд есть проявляет Иоанна Богослова,⁶⁴ анфракс проявляет Июду, сына яковля, и апостола Андрея; сапфир прояви Исахара и апостола Павла; иаспис являет Заулона и апостола Петра; иакинф прообразует Дана и апостола Симона Зилота, ахатис являет Неффалима, Иякова алфеова; амефусии образует Гада и Марка евангелиста, хрисолиф являет Асира и апостола Варфоломея, вириллос являет Иосифа и апостола Фому; онухион, или хрисопрас, являет Венимамина и апостола Июду (л. 75, 75 об.).⁶⁵

Глаголы *прообразити*, *проявити*, *образовати*, употребленные в этом тексте, как и все то, что было уже сказано о соотношении камней и лиц, свидетельствуют, что перед нами символ-прообраз. Символы такого типа в принципе отличны от символов-метафор (и в аспекте лексической семантики, и в аспекте соотношения — символы и реальность).⁶⁶ Азбуковники изобилуют символикой разных типов, но пока нас интересует лишь один из ведущих признаков символического значения — его условность.

В пятом азбуковнике также нет сочинения Епифания Кипрского, вместо него приведен богословский трактат другого автора — Андрея Кесарийского, с толкованиями на Апокалипсис.⁶⁷ В нем даны «раскрытия» связи физических свойств минералов с религиозными подвигами тех лиц, которых они якобы знаменуют, с их достоинствами и добродетелями. Так, из целебных свойств сардия выводится доброта апостола Филиппа, исцеляющего душевные язвы. Матфей, по словам автора, подобен топазию (или анфраксу) «и сок или пот испускающего, яко же глаголют млечныи». Божественная ревность этого апостола также исцеляет «слепотущия сердцем». Камень иакинф (яхонт) в этом тексте светлолазоревый, как воздух, чему уподоблена небесная мудрость Симеона. Амефусии (аметист) — порфиристо-багряный «аки огонь» и знаменует евангелиста Матфея, который сподобился божественного огня. Хрисолит подобен своим блистанием злату, так и Варфоломей «образуется многоценными добродетельми облистает и божественною проповедию». Проповедь евангелиста Иоанна «подоболепна» зеленому цвету смарагда (изумруда), его ясности и красоте. Особенно специфично богословское осмысление цвета ахатиса (агата). О нем сказано: «Достоверно есть, яко человеческого ноктя шар⁶⁸ с ясностью имущаго знаменуется Ияков алфеов (на поле глосса — завядее[ев], — Л. К.), преже иных приемыи за Христа

⁶³ Приведена, как и статья Епифания в Азб. 1 и Азб. 3, в разделе слов, начинающихся с буквы К.

⁶⁴ Допущен пропуск. Судя по тексту первого азбуковника, следовало указать и на Левия.

⁶⁵ При цитировании статьи опущены отсылки, даваемые в словаре к другим частям его текста. Цифры в рукописи даны в буквенном выражении.

⁶⁶ Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы, с. 161—183.

⁶⁷ Андрей, арх. Кесарии Каппадокийской. Толкование на Апокалипсис святых апостолов и святого Иоанна Богослова (слово 23, глава 21, начало 67). М., 1709, с. 238—241. — Текст этого сочинения с азбуковником соотносит А. Карповым (А. Карпов. Азбуковники или алфавиты иностранных речей. . ., с. 262—271).

⁶⁸ Шар — цвет, окраска.

телесное умерщвление». Следует пояснение: «еже нокть начертывает⁶⁹ не учащен съи чювства, внигда режем бывает» (л. 248, 248 об.). Добавим к этому, что против описания символики каждого из камней проставлены еще и имена библейских родоначальников.

Условность этих истолкований и возможность переориентировки символического знака с одного лица на другое самоочевдны.

Восприятие символики книжниками Московской Руси. Следы осознания условности символа

Мистика мироощущения — характерная черта средневековья, но она еще свойственна и людям XVI—XVII вв. — периода распространения азбуковников. Примечательна в этом отношении запись, сделанная полууставом XVI в. на переплете рукописной книги XV в. («Диоптра» инока Филиппа, XIII в.): «Вопрос, что есть бес, зверь ли, ангел ли, вебрь ли, и рече ответ — ни зверь, ни ангел, ни вебрь, но произволение».⁷⁰

Символика древнейших памятников XI—XII вв. оставалась средством выражения мысли и экспрессивного воздействия и в более позднее время, привнося иноказательные подтексты даже и в такие высказывания, которые могут представиться нам сообщающимися лишь о фактах житейского обихода. Примером может служить, казалось бы, обыденная фраза из сочинения автора второй половины XVII в. Прохора Шошина, названного им «Пристежение». Текст этот — своего рода сопроводительная записка к самому обширному для XVI—XVII вв. собранию сочинений Максима Грека.⁷¹ Его составитель поместил названное сочинение между двумя стихотворными предисловиями, писанными им же.⁷² В «Пристежении» даны сведения о привлеченных источниках и об обстоятельствах, в которых проводилась работа. Однако владение «фигурами» речи для книжников той поры было столь органичным, что без внимания к этому явлению нельзя постичь и смысл читаемого. Так, в первой части записки, написанной, как и стихи, по-славянски, но в стиле, подобающем деловому тексту, содержится просьба писца о снисхождении к ошибкам, где между прочим говорится: «обычаи уму в безмолвни бывати»; и дальше: «ниже наедине писах. . . , но всячески стужаем от всех домашних» (л. 3). Последние слова, по всей видимости, имеют не прямой, а иноказательный смысл. Выражение «врази человеку домашние его» со ссылкой на Евангелие приведено и истолковано в азбуковниках. «Домашние» — человеческие пороки: объядение, опивание, сребролюбие, блудный бес и т. д.⁷³ Такое прочтение вероятнее и потому, что далее у Шошина сказано о человеческих слабостях: «та же множае и от пьянства помрачаему и всяческими юношескими обычаи растлеваемы» (там же).

Отметим, наконец, и выразительную запись, сделанную по поводу иконописной символики. Символы этого рода представлены в азбуковниках в виде заимствованных из подлинников описаний. Обычно им придана вопросно-ответная форма, поэтому составители азбуковников помещали их чаще всего в разделе слов, начинающих с буквы «Ч» (по вопросительному местоимению «что»). Одно из таких описаний читается в следующем виде: «В. Что ради пишется на иконах спешствие святаго духа: стоит человек, старостию одержжим, в месте темне, а на нем риза

⁶⁹ Начертовать (начертать) — чертить, изображать.

⁷⁰ Т. Н. Протасьева. Описание рукописей Чудовского собрания. Новосибирск, 1980, с. 138.

⁷¹ ГПБ, Соловецкое собр., № 310 (495), 1660 г.

⁷² Предисловия имеют форму акrostихов (находятся на л. 1, 2 и 4 об., 5), из которых и становится ясным не только имя сочинителя, но и род его занятий: Шошин — дьяк при крестовой церкви царя Алексея Михайловича.

⁷³ Азбуковник ГПБ, Q.XVI.13. В конце истолкования о людских пороках сказано: «Тии суть немилостивии ратницы душ наших, душа бо есть царь, а мстят да аще стяг поволят, то не убьют ли и царя. Тако и ум, егда падет, то и душа падет» (л. 3).

червлена и венец царьский на главе его, в руках своих имея убрус бел, а в нем ВІ (12) свитков. От. Человек есть весь мир, а еже старостию одержим, то суть престарелся адамовым преступлением, а еже в месте темне — преже бяше весь мир в неверии; риза же червлена, приношение к бесом кровных жертв; венец же царьский на главе его, понеже царствоваше тогда грех в мире, а еже в руках своих имеет убрус бел, и в нем ВІ свитков, то суть дванадесять апостол учения, ими же весь мир просветися» (л. 148). Так во всех трех редакциях третьего азбуковника и во многих других списках, относящихся к иным азбуковникам. Здесь текст приведен по списку поздней редакции названного азбуковника,⁷⁴ так как вслед за ним идет запись о сомнениях, которые овладели прочитавшим это толкование, и о его желании найти ему авторитетное подтверждение. Живой и занимательный этот рассказ сообщает следующее:

«Сие писание истолковано обретох, а не вем откуда взято, и аз о том пытал мастера Николая Булева, любчанина.⁷⁵ И он отвечал: у нас тако не пишут, а у вас иконники пишут да что толкуют о том? И аз ему молвил: не пытал есми еще никого о том. И он молвит иконником, де, и пишучи иконы, да неведомые образцы вводити. Надобе им разумевати писания с великого доктора о сем образце.

Аще бы сеи человек старьи написан особо, а не шествием святаго духа, ино сие толкование согласует тому. Аще же вкупе написан, где и шествие святаго духа, то не согласует того ради, понеже нарицает мужа старого всем миром. И дух святыи тогда послался токмо на апостолы, а не на весь мир, яко же пишет в Деяниях апостольских, в главе в (2)-и.

Егда исполнишася дние пянтиости, беша вси сии, рече, апостоли вкупе во едином месте. И бысть внезапно от небес шум, яко нашедшу духу зельну, и исполни весь дом, иде же бяху седяще. И явишася им разделения языцы, яко огнь седе на едином каждо их, и исполнишася вси духа свята и начаша глаголати различными языки, яко же дух святыи даяше вещати им и прочее.

Ино по сему согласние видится толкование: аще оного старого мужа наричет тем местом, иде же тогда быша апостоли, то Христос сын божии есть. А еже стар, сие являет, яко сын есть равен и свечен отцу. А еже сидит в месте темне, сие являет, яко никто же весть, иде же есть бог. Червеница сие являет, яко сын своею пречистою кровию искупил нас от работы дияволя. Венец же царский сие являет, яко сын сидит на престоле, вкупе царствуя со отцем и духом. А еже имать в руках убрус бел, сие являет чистоту, яко же Христос воплотился в чистую деву и нескверную, родися и поживе на земли в неизглаголанной чистоте. Сему же последоваша апостоли и ученицы, иже чести пожиша и весь мир просветиша учением своим, еже суть ВІ (12) свитка.

Аз же убо о сем глаголю, не толкование о сем полагаю, но подобие словесем вышереченным от тебе предлагаю, может бо паки инако и инако сим словесем разсуждение, аще бы было известно сущее» (л. 148—149 об.).

Текст приведен полностью, так как, без сомнения, достоин внимания. В подробности записи проявилась заинтересованность собеседника Николая Булева. Запись сделана не с голоса, но по живым впечатлениям. Аргументы немца (католика), выдвигаемые по всем правилам богословской

⁷⁴ ГПБ, собр. Погодина, № 1655, второй половины XVII в.

⁷⁵ Названное имя совпадает с именем немецкого врача и философа, латиняна (католика) Николая Булева, прибывшего из города Любека и служившего при дворе Василия III (распространяемый им альманах с астрономическими сведениями вызывал, как известно, протесты. Ср. Послание Филофея 1524, «словá» против астрологии Максима Грека). Цитируемая запись — еще одно свидетельство особой близости третьего азбуковника к людям из окружения Максима Грека. Есть основания для связи второй редакции этого словаря с именем Нила Курлятева, сотрудничавшего с ученым греком в период перевода Псалтыри 1552 г. См.: Л. С. К о в т у н. Лексикография в Московской Руси. . . , с. 65—70, 225—232.

схоластики, не оспариваются, но не высказано и согласия с ними. Значительнее всего в этой беседе — понимание условности, если не сказать произвольности символа. Толкование Булева оказалось не сообщением того, что требуют образцы, хотя он и сослался на авторитет великого доктора,⁷⁶ но его собственным произвольным построением. И, как кажется, предложено оно не столько с целью показать несостоятельность русских (православных) образцов, сколько с целью обнажить неограниченную возможность домыслов по поводу заданного догматикой сюжета.⁷⁷

Однако наряду с этим в азбуковниках, в том числе и во всех редакциях памятника, о котором только что шла речь, проявлено и уважительное отношение к христианской символике — как словесной, так и иконописной. Ссылаясь на авторитеты церковных писателей и богословов разных эпох, они приводят объяснения «духовного» смысла слов и знаков. Точно так же и сами истолкователи стремятся учесть и привести все известные им раскрытия символических значений, затем отдавая какому-нибудь из них свое предпочтение («а не якоже нецыи мнят»), а иногда и не делая этого.

Так, на вопрос «Что под крестом на церкви, в нем же водружен, аки месяц млад?» приводятся два ответа, которые заимствованы у Максима Грека. По одному из толкований, фигура в основании креста имеет форму греческой буквы υ , так как высота по-гречески $\upsilon\phi\omicron\varsigma$, чем символически выражена высота славы Христа. По другому — греческое υ обозначает число 400, которое затем разлагается на 4 и 100, число 4 — это четыре страны света, а число 100 выражает сокровенный разум ста «овец»; одна из овец, заблудшая, вновь обретена крестом. Оба истолкования ученый грек приводит, ссылаясь на «отцов церкви».⁷⁸ Безначальный и бесконечный «мир абсолютных идей», мало доступный человеческому познанию, всякий раз как бы открывался ему лишь отчасти.

Итак, в азбуковниках сосредоточено богатое собрание многообразных символов. Вместе с тем в них находим и свидетельства о восприятии символики книжниками средневековья и Московской Руси.

⁷⁶ Речь, видимо, идет о Фоме Аквинате (Аквинском) (род. в 1225 г.), философе и систематизаторе средневековой схоластики. С 1257 г. он — доктор Парижского университета, в 1323 г. причислен католической церковью к лику святых, в 1567 г. признан пятым учителем церкви (БСЭ. 2-е изд., с. 517).

⁷⁷ Текст беседы дважды отмечен в составе иконописных подлинников конца XVII и XVIII в. См.: Ф. И. Буслев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. II. СПб., 1861, с. 292; А. И. Соболевский. Материалы и заметки по древнерусской литературе. — ИОРЯС, т. XX, 1915—1916, с. 261—290. — В руководствах для иконописцев он менее полон, чем в азбуковнике.

⁷⁸ Толкование из первого азбуковника по списку ГПБ, Соловецкое собр., № 13, л. 491. Максим Грек. Сочинения, ч. III. Казань, 1862, с. 124 и след. (Отмечено у А. Карпова (Азбуковники или алфавиты иностранных речей. . ., с. 229)).